

Зарубежная

фантастика

Бен Бова
ВЛАСТЕЛИНЫ
ПОГОДЫ

Сборник
научно-фантастических
произведений

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР» МОСКВА

Бен Бова

Властелины погоды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160164

Властелины погоды: Мир; 1981

Оригинал: BenBova, "The Weathermakers"

Перевод:

Игорь Всеволодович Можейко

Белла Григорьевна Клюева

Аннотация

В центре романа «Властелины погоды» – изобретение молодых американских учёных, которое позволяет делать точные предсказания погоды, а также управлять климатом. Но на пути изобретателей стоят конкуренты и военные.

Содержание

1. День первый	4
2. Это невозможно!	18
3. Аэродинамика плюс вода	35
4. Барни	54
5. Изменение погоды	67
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Бен Бова

Властелины погоды

Тому президенту, кто примет решения «не потому, что они простые, а потому, что они трудные», кто поставит перед наукой и правительством сложнейшую задачу, «потому что эту задачу необходимо решить, потому что ее решение невозможно откладывать и потому что мы намерены эту задачу одолеть».

1. День первый

Утром того дня, когда я впервые увидел Тэда Маррета, я был на острове Оаху. В феврале я окончил колледж, отец предоставил мне стол и пост в своем «Торнтон пасифик энтерпрайзис корп.», но пляж пришлось мне куда больше по душе.

Отец следил за тем, чтобы все мы – я и трое братьев – вставали рано. Но в то утро братья отправились по делам, а я сбежал покататься на волнах прибоа.

Был отличный прилив, шумели волны, а небо сияло почти безоблачной синевой...

В этот ранний час на берегу не было никого, но чуть позднее появятся мои приятели. Я скользил на больших волнах

уже с полчаса, когда одна из них накрыла меня, сбросила с доски, и я стал захлебываться, с трудом выгребая из-под многотонной, пенящейся водяной громады. Слава богу, мне удалось выбраться и даже вытащить на песок свою доску. Я растянулся под ласковым солнцем и стал любоваться великолепными пенными громадами.

Вскоре это зрелище мне надоело, я включил портативный телевизор, который принес с собой. Шел боевик, я его уже видел прежде, но можно было и еще разок посмотреть.

Но тут в кармане моего халата зажужжал зуммер – ясно, кто меня вызывал. И конечно, когда я вытащил видеофон и включил его, с крошечного экрана на меня, подобно грозовым тучам над подветренным склоном гор нашего острова, воззрился отец.

– Если не трудно, оторвись, пожалуйста, от пляжа, ты нужен мне в офисе.

– Я тебе нужен?

Мое удивление вызвало у него подобие улыбки.

– Представь себе, нужен. Твои братья не справляются со всеми нашими делами. Езжай-ка сюда и немедленно.

– Может, дело подождет до ленча? Сейчас придут друзья, и...

– Нет, – сказал отец. – Сейчас, если не возражаешь.

Ну, если уж отец заговорил таким тоном и с таким выражением лица, лучше не спорить. Я оставил приятелям телевизор и доску и поплелся домой. Быстро принял душ, пере-

оделся и вызвал машину. Через пять минут я уже мчался по дороге к основной магистрали. Поставил машину на автоматическое управление – не потому, что движение на дороге было плотное, просто хотел досмотреть вестерн. Но я опоздал: вестерн кончился, передавали новости. «Над тихоокеанскими подводными шахтами „Торнтон“ вновь разразился шторм, – оживленно комментировал диктор, – два человека пропали без вести». «Только два – из шестисот инженеров и техников», – добавил он.

Теперь понятно, почему хмурился отец.

Но при чем здесь я?

Еще несколько минут езды по автостраде, и машина остановилась у здания «Торнтон пасифик».

Когда я вошел в просторный, покрытый ворсистым ковром отцовский кабинет, отец стоял у широкого, во всю стену, окна и угрюмо смотрел на сверкающий океан. Он обернулся, и, как всегда при взгляде на меня на его лице появилось страдальческое выражение.

– Мог бы по крайней мере надеть на себя что-нибудь поприличнее.

– Но ведь и ты в шортах, – возразил я.

– Это костюм делового человека, а в твоём – только в цветущих садах фланировать.

– Я надел первый попавшийся: ты же меня торопил.

– Тебе полагалось быть здесь, на своем рабочем месте, а не на пляже.

Пришлось соорудить постную мину.

– Джереми, это же твое дело, такое же, как мое и твоих братьев. Почему ты не интересуешься им? Твои братья...

– Да нечего мне здесь делать, отец! Во всяком случае, ничего интересного для себя я не нахожу. Вы и без меня прекрасно обходитесь.

– Ничего интересного? – Он был и удивлен, и разгневан. – Вести первые в мире подводные разработки – не интересно? Первые в мире межконтинентальные пассажирские ракеты – не интересно?

Я пожал плечами.

– Рутина, отец. Все новое, трудное вы уже сделали. Ты, Рик и все вы. Мне не осталось ничего свеженького, никакого, понимаешь, удовлетворения.

Отец недоверчиво покачал головой.

– Когда твои братья вошли в дело, им было столько же, сколько тебе сейчас, а теперь они съели на этом зубы, помогли мне создать «Торнтон пасифик». Я надеялся, ты последуешь их примеру.

Я промолчал.

Отец подошел к письменному столу, просмотрел бумагу с какими-то пометками.

– Ладно. У меня есть для тебя дело, и меня не заботит, заинтересует оно тебя или нет. Отправляйся в Бостон десятичасовым рейсом. Поторопись, не то прозеваешь ракету.

– В Бостон? К дядюшке...

– Нет, по делу, а не ради родственного визита. Ты едешь в Климатологический отдел. В Нью-Йорк прилетишь примерно в половине пятого по местному времени, значит, в Бостоне будешь не позднее половины шестого. Я сообщу в Отдел, чтобы тебя подождали.

– Что такое Климатологический отдел? Из-за чего ты все это затеваешь?

– Из-за штормов, из-за чего же еще! – вспылил отец. – Климатологический отдел входит в Бюро погоды, это отдел, который занимается длительными прогнозами и пытается воздействовать на погоду.

– В самом деле, я слышал о шторме, пока добирался сюда. Что-нибудь известно о пропавших без вести?

– Пока нет, – ответил отец, усаживаясь в кресло за столом. – Когда разыгрался шторм, они были в батискафе. Трос оборвался. Батискаф, по-видимому, опустился на дно, но мы никак не можем его обнаружить.

– А какая глубина там, где они затонули?

– Восемнадцать тысяч футов. Мы выручали людей из более гибельных мест, но и тут достаточно глубоко. Один из них начинал вместе со мной все это дело с глубоководными разработками. Если мы их не найдем...

– Сколько они могут продержаться в батискафе, часов двенадцать?

– Если не будет неполадок. – Отец стукнул кулаком по столу. – Проклятые штормы! За последние десять дней это уже

третий, а ведь сейчас только первая половина апреля. Если погода не уgomонится, можно прикрывать лавочку. «Модерн металз» расторгнет контракт. Мы потеряем на этом миллионы!

– Неужели все так скверно?

– Никто, поверь мне, Джереми, никто не занимался этим делом столько, сколько я, – сказал отец. – Но такой штормовой весны мне еще не приводилось видеть... Там, в Климатологическом, нам должны помочь. Конечно, я мог бы поговорить с ними по телефону, но личные контакты всегда предпочтительнее. Так вот, тебе предстоит найти человека, который занимается погодой, и не оставлять его до тех пор, пока он не согласится нам помочь.

Секретарша отца подготовила все необходимые бумаги, заказала билеты на ракету и вертолет, который ожидал меня на крыше здания, чтобы доставить на взлетную площадку ракетодрома.

Мне, разумеется, предстояло лететь на ракете корпорации «Торнтон аэропейс». Компания принадлежала дядюшке Лоуэллу из Новой Англии, но отец вел дела тихоокеанского региона. У отца издавна были расхождения с семьей Торнов, что, впрочем, не мешало их деловому сотрудничеству. Когда дядюшке Лоуэллу при создании коммерческой линии пассажирских ракет потребовалась помощь, отец вложил в его дело немалый капитал. Справедливости ради надо сказать, что на решение отца повлияло и то обстоятельство,

что руда, добываемая его корпорацией на просторах Тихого океана, с помощью транспортных ракет за каких-нибудь полчаса прямо со дна океана могла быть доставлена в промышленные центры Штатов.

В отличие от стройных, гладких космических ракет пассажирская ракета выглядела приземистым тяжеловесом. Вокруг ее корпуса располагались реактивные двигатели. Когда мой вертолет достиг плавучей посадочной площадки, четырехпалубный салон ракеты заполняли сотни две пассажиров. На противоположном берегу залива виднелся мемориал сената Аризоны, где-то в глубине буксир отводил бустер из опасного района.

Я поднялся на борт ракеты последним. На каждом повороте меня встречали улыбкой стюардессы – они приветствовали меня, когда я шел по трапу, поднимался в подъемнике, проходил по салону – вплоть до предназначенного мне мягкого кресла.

Для большинства пассажиров полет на ракете был в новинку, многие предпочитали «безопасные и удобные» сверхзвуковые реактивные самолеты «новым и опасным межконтинентальным ракетам». А между тем путешествие на ракете обходится дешевле, проходит быстрее и на самом деле куда безопаснее, чем на реактивном самолете. Помнится, я даже спросил отца, как люди этого не понимают.

– Между способностью инженеров создавать новое и способностью широкой публики принимать это новое существу-

ет колоссальный разрыв, – объяснил отец. – Нужен какой-то срок, чтобы средний человек согласовал свои привычные представления с новыми идеями... даже если эти идеи сохраняют ему время и деньги.

Я хорошо запомнил эти слова, потому что последующие четыре года своей жизни потратил на решение именно этой проблемы.

Полет на ракете проходил без происшествий: небольшая перегрузка и шум при взлете, легкие сотрясения, когда сбрасывали отработавшие стартовые двигатели, долгое легкое скольжение в невесомости и снова чуть возросшая перегрузка при приземлении. В пассажирском салоне не было смотровых иллюминаторов, зато на экране телевизора напротив каждого кресла можно было наблюдать окружающий мир. Мои соседи восхищались видом Земли в обрамлении голубого неба с барашками белых облаков, звездами и Лунной. Некоторые даже уверяли, будто видят светящуюся точку там, где на Луне находится База.

Для меня все эти картины были привычными, а потому я предпочел посмотреть детективный фильм.

При посадке внешние камеры отключили: стоит ли пугать пассажиров зрелищем жаркого пламени, в объятия которого попадает корабль?

Детектив на экране моего телевизора кончился, и я услышал приглушенный рокот тормозных двигателей – мы опустились на мягкую площадку посреди посадочного поля.

Снаружи было тепло и влажно. Один из служащих компании «Торнтон аэропейс» протиснулся к выходу из ракеты и протянул, мне капсулу с телефонограммой. От отца. Я поблагодарил его и спросил, как мне добраться до поезда, отправляющегося в Бостон. Он провел меня на нужную ленту слайдера.

Ступив на движущуюся ленту, по которой мне предстояло одолеть довольно большое расстояние до вокзала, я достал минифон, вставил в него капсулу и в наушниках услышал голос отца:

– Джереми, мы узнали имя человека, с которым тебе надо встретиться в Климатологическом. Его зовут Россмен... Кажется, Ф.Д. Зови его «доктором», это ему польстит. Он занимается длительными прогнозами и управлением погодой. Мы договорились о вашей встрече на 17:30. Да, кстати, военные моряки обнаружили пропавших без вести. Их довольно здорово помяло, но, ничего, выкарабкаются. Позвони мне после визита к Россмену. Желаю удачи.

Я сунул минифон в карман шорт и взглянул на часы. Стрелки показывали 10:38 по гавайскому времени – я еще не успел их перевести, так как нигде по дороге не заметил часов. Позади остался шумный космодром с множеством посадочных площадок для ракет и кружащих над головой реактивных самолетов. Вдалеке проступали неясные очертания Манхэттенского купола, который покрывал деловую часть Нью-Йорка. Из-за густого смога его каркас едва прогляды-

вал.

На ленте слайдера я проскочил сквозь воздушный поток при входе в вокзал и наконец получил возможность свернуть часы: было 16:40 по местному времени. Я бросился в туннель-платформу и вскочил в экспресс, шедший в Бостон.

В пневматических поездах путешествие проходит быстро и неуютительно, только стук стальных колес по стальным рельсам, как бы его ни старались приглушить, терзает слух. В четырехместном купе я был единственным пассажиром. Меня мучила мысль: успею ли я к назначенному сроку на встречу с Россменом?

Когда я вышел из поезда и на лифте поднялся в Башню транспортиации в Бостоне, часы показывали двадцать минут шестого. Но пилоту вертолета понадобилось около двадцати минут и сверх того – несколько долларов за каждый метр – для того, чтобы обнаружить здание Климатологического отдела в пригороде Бостона.

Стоянка для машин, где я высадился, была почти пуста, и в холле не было никого, кроме одинокого охранника в форме, дремавшего за конторкой.

Я пересек холл по отполированному паркету, чувствуя себя довольно глупо.

– Будьте добры, я хотел бы видеть доктора Россмена.

Охранник, оторвавшись от журнала по бейсболу, взглянул на меня.

– Мистера Россмена? Он только что ушел.

– Но... но он должен был меня ждать.

Я полез в карман жилета и вытащил несколько визитных карточек с указанием нашей фирмы – отец настоял, чтобы я имел их при себе.

– Я почти убежден, что доктора уже нет. Впрочем, подождите, я проверю.

Он набрал номер на интеркоме. Я заметил, что интерком без телеэкрана.

– Сектор длительных прогнозов, – откликнулся резкий голос.

– Доктор Росмен на месте?

– Да, он ждет какого-то приезжего... по имени Торнтон... или что-то в этом роде.

Охранник взглянул на мою карточку.

– Джереми Торн Третий? Из «Торнтон пасифик»?

– Да. Направьте его к нам наверх.

Охранник объяснил мне, как пройти. Вверх по лестнице, потом прямо по коридору, пересечь три... нет, кажется, четыре коридора.

После того как я трижды сворачивал не туда и набил себе шишек на голове, я услышал уже знакомый резкий голос. Его обладатель таким же раздраженным тоном отвечал кому-то. Следуя на голос, я подошел к двери с надписью «Сектор длительных прогнозов». В остальных кабинетах, по-видимому, никого не было.

Войдя через приоткрытую дверь, я очутился в комна-

те, где стояли столы для секретарш и шкафы с бумагами. Очевидно, это была приемная, из которой выходило еще несколько дверей. Одна из них была неплотно закрыта, оттуда-то и доносились голоса.

Я заглянул в щель. В небольшом сером помещении за столом, заваленным бумагами, сидел пожилой мужчина, а возле доски, спиной ко мне, расхаживал высокий, атлетически сложенный человек, чей голос я слышал раньше, и возбужденно говорил:

– ...доклад Сладека все объясняет. Работы Института Крейчнана вполне оправданы. Теперь можно без особых хлопот предсказывать, что произойдет с турбулентным завихрением.

Его собеседник кивнул головой.

– Прекрасно, если так. Но, может быть, вы остановитесь на минутку и поздороваетесь с нашим гостем?

Мужчина обернулся.

– Ну, наконец-то! А мы уж думали послать за вами поисковую команду.

– Я и вправду чуть не заблудился, – признался я.

– Тэд Маррет, – представился мужчина и энергично пожал мою руку. Повернувшись, он сказал: – А это доктор Барневельд, руководитель теоретического сектора.

Тэд был примерно моего возраста, может на год-два постарше. Это был широкоплечий долговязый мужчина с костлявым, несколько угловатым лицом и едва заметным шра-

мом на переносице (бейсбольная травма, как я узнал позже). Косматые рыжие волосы горели ярким пламенем. Он совсем не походил на ученого, способного потрясти мир.

Рядом с беспокойным, бурно жестикулирующим Марретом доктор Барневельд казался незначительным и тихим, почти сонным. От его тощей, сутуловатой фигуры и белых как снег волос веяло беззащитностью. Морщинки на лице, видно, объяснялись не возрастом, а постоянной улыбкой.

– Очень приятно, – сказал я. – Я...

– ...Джереми Торн Третий, – закончил за меня Тэд. – Никогда еще не встречал даже второго, ничего такого... Прилетели ракетой с Гавайев? Как прошел полет? Вид у вас вполне южный.

– Не успел переодеться, – пробормотал я. – А доктор Россмен здесь? Мне бы хотелось...

– Я ему сказал, что вы прибыли. Но он заставит вас подождать минуты две-три, прежде чем допустит к себе. Это своеобразная отместка за то, что вы вынудили его задержаться.

– Отместка?

– Мы обычно кончаем в 16:15, и Россмен всегда спешит домой к жене и деткам. Он страшно нервничает, когда приходится задержаться до пяти – половины шестого, а тут он и это время пересидел.

– Дело в том, что вертолет...

– Да не волнуйтесь, через несколько минут он вас позовет.

Я не знал, что сказать.

– А вы не из-за меня задержались?

– Вовсе нет, – отмахнулся Тэд от моего предположения.

С усмешкой взглянув на Барневельда, он добавил: – Мы тут гадаем насчет управления погодой.

2. Это невозможно!

– Управления погодой? – воскликнул я. – Как раз из-за этого я и приехал.

– Очевидно, нам следует объяснить... – начал Барневельд, но его прервало жужжание зуммера.

Барневельд сдвинул в сторону стопку бумаг с середины стола, где находился интерком, и тронул пальцем загоревшуюся кнопку.

– Ну что, гость нашел, наконец, наш отдел? – спросил неприятный голос.

– Мистер Торн здесь.

– В таком случае направьте его ко мне.

Щелчок. Интерком замолчал.

Тэд жестом остановил поднявшегося было Барневельда.

– Это в конце коридора, – сказал он, указывая пальцем направление, и с легкой усмешкой добавил: – Желаю удачи.

Я слегка нервничал, пока шел по коридору. На двери не было таблички с именем. Я тихо постучал.

– Войдите.

Кабинет Россмена был почти таким же небольшим и невзрачным, как и тот, из которого я только что вышел. Металлическая конторка, книжные шкафы с папками, скромный стол для заседаний с разномастными стульями возле него – вот, пожалуй, и все. Всего одно окно, на стенах – кар-

ты и графики, судя по их виду, висевшие здесь уже несколько лет.

Прежде я не представлял себе разницу между положением служащих частного предприятия и государственного – по крайней мере, в том, что относилось к занимаемому ими помещению и обстановке. Будь у доктора Россмена такой же пост у моего отца, его кабинет был бы раза в четыре больше. Как и оклад.

Когда я вошел, Росмен сидел за столом.

– Присаживайтесь, мистер Торн. Надеюсь, вам не составило большого труда найти нас.

– Пришлось немного поблуждать, – ответил я. – Извините, что задержал вас.

Росмен пожал плечами. Это был худощавый мужчина с узким унылым лицом, чем-то напоминавшим морду ищейки.

– Ну-с, – сказал он, пока я присаживался к его столу, – так чем мы можем быть полезны фирме «Торнтон пасифик»?

Я наконец сел.

– Нас беспокоят штормы, от которых наши драги приходят в негодность. Это причиняет большой урон технике и дорого нам обходится.

Он угрюмо кивнул.

– Разумеется.

– Отец просил узнать, чем вы можете нам помочь. Сейчас мы вынуждены на несколько дней прекратить добычу руды.

Если в скором времени не удастся справиться со штормами, фирма понесет большие убытки. Я уж не говорю о людях, которые рискуют жизнью.

– Понятно, – сказал Россмен. – Мы пытались по возможности охватить весь район Тихого океана наиболее точными долгосрочными прогнозами. Треть моих сотрудников бьется сейчас над этой проблемой. К несчастью, предсказание штормов в открытом океане – дело трудное, *очень* трудное.

– Да, да, конечно.

– Видите ли, мистер Торн, наши длительные прогнозы зиждутся на статистике. Мы с достаточной степенью уверенности можем предсказать количество осадков в определенном районе на тот или иной отрезок времени – скажем, на месяц. Но точно предсказать, когда именно начнется шторм, мы практически можем только в последнюю минуту. А заранее сказать о направлении движения шторма еще труднее – разве что в самых общих чертах.

– Ну, а если шторм подбирается к таким жизненно важным районам, как те, где установлены наши драги, можете ли вы заставить его изменить направление или вовсе разрушить его?

Губы Россмена на мгновение чуть тронула улыбка, но он тут же взял себя в руки.

– Мистер Торн, откуда вы взяли, что мы способны делать все это?

– Но разве не вы осуществляете работы по управлению

погодой? Мне приходилось читать о том, как засеивают тучи, и о патрулях ураганов...

– Вы ошибаетесь, как, впрочем, и очень многие другие, – спокойно возразил Россмен. – Да, моя группа действительно отвечает за эксперименты, связанные с изменениями погоды. В очень узких масштабах Бюро погоды в течение нескольких лет осуществляло засеивание облаков и другие подобные опыты. Но не более того. Никаких определенных результатов не получено. Никто не умеет изменять направление шторма, никто не в состоянии разрушить его.

Я оторопел.

– Но люди, которые осмеливались летать в сердце ураганов...

– Ах, вы об этом! Да, несколько лет они в самом деле пытались найти способ влиять на ураганы. Но если и отмечались какие-то изменения в поведении ураганов, их никак нельзя связывать с деятельностью этих людей. Еще ни один ураган не удалось остановить или хотя бы замедлить его движение, несмотря на все наши попытки засеивать облака химикалиями.

Россмен откинулся на спинку вращающегося кресла и, казалось, любовался собой.

– Существует Группа Непогоды в Канзас-Сити, заявившая, будто они иногда предупреждали зарождение торнадо засеиванием облаков. Но ни я, ни кто-либо другой у нас в Бюро не верим в это. До получения каких-либо результатов

пока еще очень далеко.

Я не мог скрыть разочарования.

– Представьте себе, – продолжал Росмен, рассеянно взяв карандаш со стола, – за несколько минут ураган освобождает энергию, по мощности равную атомной бомбе, сброшенной на Хиросиму. За день – энергию, эквивалентную сотне десятигигатонных бомб! Никто и ничто не может остановить такую силу!

– Но... штормы поменьше – не можете ли вы что-нибудь с ними сделать? Хотя бы попытаться?

Он покачал головой.

– Насколько я могу судить, это обошлось бы слишком дорого, а главное, было бы совершенно напрасно. Как это ни парадоксально, ураганы, быть может, более подвержены изменениям в результате вмешательства человека, чем другие виды штормов, – по крайней мере они не так прочно сбалансированы, не столь устойчивы.

– Как странно...

– Да, – согласился Росмен. – Странно, особенно для непрофессионала. Но это так. Боюсь, что все эти толки вокруг воздействия на погоду – не более чем разговоры. И, смею вас уверить, пока я возглавляю Сектор длительных прогнозов, ни один из его сотрудников не будет вовлечен во все эти глупости.

– Глупости?

– Конечно же, глупости! – выпалил он, взмахнув каран-

дашом. – Управление погодой! Все наши эксперименты по-просту бессмысленны. Предположим даже, что мы смогли бы в широких масштабах влиять на погоду, заставить изменить направление штормов, которые неуютны вам, или вообще уничтожить их. Откуда нам знать, что тем самым мы не создаем условий для образования другого, еще более разрушительного шторма где-нибудь в ином месте? Или, нарушая естественное равновесие сил, не вызовем бурю где-то в тысячах миль отсюда? Нет, в эту игру вовлечено слишком много разных факторов, слишком многого мы тут не понимаем и, возможно, никогда не поймем. Поверьте мне, что воздействовать на погоду... нет, это невозможно.

– Да, но люди в той комнате... они говорили об управлении погодой.

Россмен попытался изобразить на лице улыбку, но глаза его превратились в узкие бойницы.

– Это все Тэд Маррет. Как я уже объяснил вам, вокруг воздействия на погоду полно всяких разговоров. Мистер Маррет молод и честолюбив, готовит докторскую в Массачусетском технологическом институте, такой, знаете ли, ни с чем не согласный, всесокрушающий тип. Уверен, что вам встречались подобные. Со временем он поостынет, и тогда, возможно, из него выйдет превосходный метеоролог.

– Значит ли это, что вы ничем не сможете нам помочь?

– Этого я не говорил. – Россмен постучал карандашом по подбородку. – Во-первых, мы можем обеспечить вас служ-

бой срочного прогнозирования. Иными словами, выражаясь непрофессиональным языком, мы поставим вам компьютер, который будет снабжать вас прогнозами сразу же, как только они будут отпечатаны у нас. Полагаю, что сейчас вы получаете их по коммерческому видеофону, то есть с задержкой на двенадцать – восемнадцать часов.

– Что ж, это уже кое-что, – сказал я.

– Затем советую вам обратиться к правительству с просьбой о финансовой поддержке. Разумеется, объявить всю срединную часть Тихого океана районом бедствия вам не удастся, тем не менее некоторые правительственные агентства, бесспорно, окажут вам известную помощь.

– Понятно. – Почувствовав, что говорить нам больше не о чем, я встал: – Ну, спасибо, доктор Россмен, что вы не пожалели времени для разговора со мной.

– Сожалею, что пришлось разочаровать вас.

– Это будет еще большим разочарованием для моего отца.

Он проводил меня до двери своего кабинета.

– Не зайдете ли вы еще разок завтра? Я своду вас с людьми, которые все устроят со службой срочного прогнозирования для вашей фирмы.

– Благодарю вас. Я все равно собирался уехать завтра после обеда.

– Прекрасно. Постараемся сделать все, что в наших силах.

Я прошел по коридору мимо комнаты, где еще недавно спорили Тэд и Барневельд, и спустился в холл. Здание, каза-

лось, вымерло, и я почувствовал себя ужасно одиноким.

На одном из диванов в холле, листая журнал, сидел Тэд. Он взглянул на меня.

– Доктор Б. подумал, что у вас может не быть машины, чтобы вернуться в город. А достать здесь такси сейчас почти невозможно. Хотите, подвезу?

– Спасибо. Вы едете в Бостон?

– Я живу в Кембридже, прямо за рекой. Пошли.

У него была старая, потрепанная двухместная машина марки «лотос». Взыл мотор, Тэд выстрелил машиной со стоянки на кольцо и на ручном управлении с рыком ринулся вперед. «Наверное, у него нет автоводителя», – подумал я.

Давненько я не бывал в апреле в Новой Англии и совсем забыл, как здесь бывает холодно, а ведь на мне все еще был легкий спортивный костюм. И теперь у меня зуб на зуб не попадал от холода. Тэд, к счастью, этого не замечал. Стараясь перекричать вой мотора и свист холодного ветра, он без усталости говорил, жестикулируя одной рукой, а другой ведя машину сквозь все уплотнявшееся уличное движение. Темы его монолога сменялись почти с такой же частотой, как перекрестки, которые он проскакивал с удивительной скоростью. Он говорил о Россмене, Барневельде, что-то о турбулентных потоках воздуха, о математике, о загрязнении атмосферы и даже попытался прочитать мне небольшую лекцию об особенностях климата на Гаванях. Я послушно кивал головой, между тем как все тело мое сотрясалось от дрожи. Всякий

раз, когда Тэд обгонял очередную машину, я мечтал оказаться на автоматической линии автострады.

Он забросил меня в отель. Услышав его название, Тэд высоко поднял брови:

– Роскошно путешествуете – лучший отель в городе.

Моя комната оказалась удобной. И теплой. Однако меня удивило, что отель не предоставил мне более вместительного номера. «Слишком много людей приехало, не хватает мест», – объяснил портье. По видеofону я заказал себе одежду, весьма скромную: брюки, пиджак и самые необходимые принадлежности туалета.

Ужин я принял было за ленч, пока не осознал, что все еще продолжаю жить по гавайскому времени. В полночь я не испытывал ни малейшего желания спать и смотрел ночные телепередачи до тех пор, пока незаметно для себя не погрузился в сон.

Солнце поднялось над Западным полушарием, согревая своим теплом моря, континенты и покрывающий их словно мантией беспокойный, давящий своей тяжестью на земную поверхность воздушный океан. Атмосфера, получающая энергию от Солнца, закрученная вращением Земли, двигалась словно живое теплокровное существо. В ней пульсировали ветры. Гигантские столбы воздуха вздымались вверх, впитывали влагу и вновь обрушивались вниз, освобождаясь от нее; они собирали тепло тропиков и несли его к полюсам – а вместе с теплом несли жизнь. Над этим не

знающим покоя взвихренным слоем атмосферы воздушный океан становился спокойнее, и в нем лишь продолжали стремительно мчаться струйные течения. А еще выше, в потемневшем небе, где вспыхивали метеоры и разреженный воздух становился совершенно непригодным для дыхания, но все же прикрывал Землю от жесткой, мощной солнечной радиации, – в атмосфере зарождались электрические заряды. Постоянно колеблемый солнечными и лунными приливами и отливами, терзаемый магнитными бурями и невидимым межпланетным ветром, воздушный океан исчезает в темных глубинах космоса.

Я проснулся поздно, поспешно натянул на себя костюм и вызвал машину, чтобы ехать в Климатологический отдел. Пока машина с автоводителем пробиралась сквозь немыслимую кутерьму Бостона, я купил на завтрак в автомате-буфете, установленном на спинке заднего сиденья, лучшее из того, что мне могли предложить: синтетический фруктовый сок, подогретый бисквит и порошковое молоко.

Из машины я позвонил в Отдел. Секретарша Россмена сообщила, что он занят, но пошлет кого-нибудь встретить меня в холле.

Автомобильная стоянка возле Бюро была забита машинами, а в холле металось множество людей. Я назвал свое имя дежурному, тот кивком указал мне на тоненькую хорошенькую блондинку в светло-зеленой юбке и такого же цвета свитере, сидевшую за столом. От всей ее легкой фигурки, каза-

лось, исходил аромат свежести, цветущих полей.

– Присцилла Барневельд, – представилась она. – Доктор Росмен просил сопровождать вас, чтобы вы не заблудились по пути в Сектор.

Я заметил, что глаза у нее серовато-зеленого цвета, слегка удлинненное лицо с правильными чертами заканчивалось небольшим, но решительным подбородком.

– Да-а, – протянул я, – вы, пожалуй, самый приятный из всех сюрпризов, с которыми мне довелось встретиться в Бюро погоды.

– А это самый приятный комплимент... по крайней мере за сегодняшний день. – Она говорила с легким, едва заметным акцентом. – Лифты вон там.

– Не забудь очки, Барни, – напомнил ей дежурный.

– О, спасибо, – она вернулась к креслу, в котором сидела, и подобрала очки. – Без них я бы весь день напролет шурилась.

– А почему Барни? – спросил я, пока мы шли к лифтам.

Улыбка скользнула по ее лицу.

– Это лучше, чем «Присей» или «Силли», не правда ли?

– Да, конечно. – Двери лифта распахнулись, и мы вошли в кабину. – А это вам не мешает порой?

– Да не такой уж я пунктуальный человек... особенно в отношениях с людьми... Третий этаж, пожалуйста, – сказала она в щелку панели автоматического управления лифтом.

Оформление документов в секции обслуживания на уста-

новку у нас в Гонолулу службы срочного прогнозирования доктора Россмена заняло у меня почти час. Барни помогала мне и, когда все нужные бумаги были заполнены, заложила их в автомат-исполнитель, который занимал большую часть помещения. Потом она спросила:

– А вы видели все здание? Я бы могла устроить вам официальную экскурсию, хотите?

«Только этого мне не хватало», – подумал я; впрочем, это все же лучше, чем торчать в аэропорту в ожидании очередного рейса.

– Ну, что ж, показывайте.

Экскурсия заняла остаток утра. Здание оказалось гораздо вместительнее, чем можно было предположить, обозревая его снаружи. С задней стороны находилась пристройка, где размещались магазины и склады запасного оборудования. Барни показала мне лаборатории, в которых занимались изучением свойств воздуха при различных давлениях и температурах: его химическим составом, способностью поглощать тепловую энергию, влиянием содержания водяного пара, частиц пыли и множеством других явлений. По пути к вычислительному центру мы оказались в теоретическом секторе.

– У теоретиков особо нечего смотреть, – сказала Барни, когда мы проходили мимо их небольшого помещения. – Только и знают, что целыми днями сидят и пишут уравнения, которые мы потом должны решать.

Вычислительный центр производил сильное впечатление: ряд за рядом тянулись гудящие компьютеры, из кассет выползали спирали перфолент, куда-то бежали девушки, печатающие устройства выстреливали длинные свитки непонятных цифр и символов.

– Здесь я работаю, – донесся до меня голос Барни сквозь шум машин. – Я математик.

Я рассмеялся.

– Для не очень-то пунктуального человека, как вы изволили выразиться, это весьма неожиданная профессия.

– Я не очень пунктуальна только с людьми, – возразила она. – Другое дело с компьютерами. Я прекрасно лажу с большими машинами. Они не проявляют нетерпения, им незнакома смена настроений. Они строго логичны. Нужно только задать им программу на будущее. С ними гораздо легче договориться, чем с людьми.

– Но с ними, наверно, довольно скучно, – заметил я.

– Ну, а люди, особенно некоторые, иногда раздражают, – отпарировала Барни.

– Это место, – сказал я, наблюдая за девушками, обслуживающими компьютеры, – представляется мне гаремом для метеорологов.

Барни кивнула.

– Здесь и в самом деле то и дело завязываются романы. Я частенько говорю, что, если бы программистами были мужчины, в отдел наведывалось бы вдвое меньше мужчин с тре-

бованиями специального программирования.

– Вероятно, женский труд дешевле.

– И лучше, во всяком случае, если говорить об аккуратности, – горячо заверила меня Барни.

– Простите, я сказал, не подумав. Такая у меня дурная привычка. Я не имел в виду...

– Я не обижаюсь, – улыбнулась Барни.

Чтобы переменить тему разговора, я сказал:

– Вчера вечером я встретился с доктором Барневельдом – это ваш отец или дедушка?

– Дядя, – ответила Барни. – Ян Барневельд. Он получил Нобелевскую премию за исследования физической химии воздуха. Это он изобрел первые препараты для засеивания облаков, которые воздействуют на непереохлажденные облака.

Звучало внушительно, хотя я не имел ни малейшего представления о предмете разговора.

– Мой отец – Ханнес Барневельд, они с мамой работают в Обсерватории Стромло в Южной Африке.

– Астрономы?

– Да, отец – астроном, а мама – математик. Они работают вместе.

Я улыбнулся.

– Значит, вы пошли по стопам своей матери.

– Вот именно. Пойдемте. – Она взяла меня за руку и провела сквозь узкий ряд компьютеров. – Тут есть еще одно ме-

сто. Если там не побывать, экскурсию нельзя считать завершённой.

Мы ступили через порог в темноту. Барни закрыла за собой дверь, и мы оказались словно за сто миль от вычислительного центра. В комнате было прохладно и стояла умиротворяющая тишина. Постепенно, когда глаза немного свыклись со слабым освещением, я понял, что это было.

Я услышал собственный вздох.

Мы стояли перед экраном высотой футов в двадцать, на котором умещалось все Западное полушарие. Я легко мог различить континенты Северной и Южной Америки, хотя тучи закрывали широкие участки суши и моря. От ослепительного блеска Арктики и всплесков света – голубого, зеленого, красного, белого – буквально перехватывало дыхание.

На противоположной стене располагалось другое полушарие: Европа, Азия, Африка, огромный Тихий океан – оно занимало еще два экрана.

– Никто из тех, кто здесь побывал, не остался равнодушным к этому зрелищу, – тихо сказала Барни. – И меня оно потрясает всякий раз, когда я сюда прихожу.

– Это... – я не сразу нашел нужное слово, – это... невероятно!

– Изображения мы получаем с синхронных космических станций. Одним взглядом можно окинуть весь мир и представить себе метеорологическую картину Земли.

Барни подошла к пульту в центре комнаты, легко косну-

лась нескольких контрольных кнопок, и на экранах поверх телевизионных изображений появились карты погоды.

– Можно вернуться назад, – она вновь прошла пальцами по кнопкам, – вот так, например, карта погоды выглядела вчера... – карта сдвинулась и немного изменилась, – или позавчера... неделю назад... в прошлом году...

– А какая она будет завтра? На следующей неделе? Через год?

– Завтрашняя – пожалуйста... – Карта снова слегка изменилась, и я увидел, куда завтра переместится шторм, бушующий сейчас над драгами нашей фирмы.

– Мы можем дать вам приблизительную сводку погоды на следующую неделю, – сказала Барни, – но она настолько неопределенна, что мы не хотим тратить сил даром и не составляем таких прогнозов. Что же касается погоды на следующий год, – тут она заговорщически понизила голос, – посоветуйтесь с «Альманахом старого фермера». Мы все так делаем.

– И Тэд Маррет тоже?

– Вы знаете Тэда? – удивилась она.

– Мы впервые встретились вчера вечером. Разве ваш дядюшка не рассказывал об этом?

– Нет, скорее всего забыл. Забывчивость – наша фамильная черта.

– А не знаете, Тэд здесь? Я бы хотел поговорить с ним.

– По утрам он занят в Массачусетском технологическом.

Обычно мы встречаемся во время ленча, – сказала Барни.

Я взглянул на часы. Было около двенадцати.

– А где вы завтракаете?

– В нашем здании есть кафетерий. Хотите к нам присоединиться?

– Если не возражаете.

– Но предупреждаю, – сказала она серьезно, – обычно ничего, кроме деловых разговоров, за ленчем не бывает.

– Если деловые разговоры касаются управления погодой, я с удовольствием их послушаю.

3. Аэродинамика плюс вода

Кафетерий при Климатологическом отделе – большой, шумный, переполненный людьми, – произвел на меня тягостное впечатление. Стены были выкрашены в унылый серый цвет, а от жалких попыток как-то украсить их почти не осталось и следа. Люди протискивались к стойке или толпились возле ничем не покрытых пластиковых столов. Да и еды-то практически не было – одни концентраты и синтетика, малоаппетитные блюда, хотя Барни, казалось, была вполне довольна выбором.

– Вы не голодны? – спросила она, пока мы отыскивали свободный столик.

У меня на подносе почти ничего не было.

– Я... Дело в том, что я привык к гавайской кухне, – неловко солгал я.

– Тут в окрестных городишках есть рестораны и получше, ну, и в Бостоне, конечно. Но они довольно дорогие.

– Настоящее мясо стоит того.

Барни бросила на меня испытующий взгляд и переменяла тему разговора.

Мы наконец нашли столик и сели. В это время в кафетерии появился Тэд Маррет.

– Вот Тули Нойон и Тэд, – показала Барни на двух мужчин, которые брали подносы и проталкивались в оче-

редь. – Тули приехал из Внутренней Монголии. Тэд нашел его в Массачусетском технологическом и подыскал ему работу здесь, правда, не на полный день. Он химик-кинетик.

– Кто, кто?

– Химик-кинетик, – повторила она. – Тули работал с моим дядей над новыми катализаторами, способными изменить энергетический баланс воздушной массы.

– О, это что-то вроде засеивания облаков?

– Вот именно.

Тули был массивного телосложения и от этого но казался очень высоким, но я заметил, что ростом он почти с Тэда. У него было круглое, широкоскулое лицо с плоскими чертами – он скорее мог сойти за эскимоса, чем за азиата.

Пробираясь к нашему столику, они не переставали разговаривать – впрочем, говорил в основном Тэд. В одной руке он умудрялся держать тяжело нагруженный поднос, а другой оживленно жестикулировал. Время от времени Тули с непроницаемым видом кивал головой.

Когда они поставили свои подносы на наш столик, я встал. Тэд кивком поздоровался с нами и, как ни в чем не бывало, продолжал начатый разговор:

– Так что Густафсон разрешил мне использовать их компьютер с полуночи до четырех утра, если я найду программиста. Я полагаю, Барни, что ты как раз подходишь для этого.

Тули, все еще не садясь за столик, представился:

– Я Тули Нойон, друг и помощник этой рыжеволосой говорящей машины.

Я засмеялся.

– А я Джерри Торн.

Мы пожали друг другу руки и сели.

– А, забыл вас представить, – пробормотал Тэд, уже принявшись за еду. – Голова полна дел посерьезней. Барни, ты должна выкроить время и составить программу для машины МИТа. А может, урвешь немного времени для меня и здесь? Для хорошего дела.

– Вечно у тебя «хорошие дела», – проворчала Барни, однако улыбнулась.

– Тэд почти убедил меня, что может составить прогноз погоды на две, а то и на три недели вперед, – сказал Тули.

– Используя уравнения турбулентного переноса? – спросила Барни.

Тэд кивнул, заглотивая огромный кусок бифштекса из искусственного мяса.

– И ваш прогноз погоды на две недели будет вернее, чем предсказания Бюро погоды на тридцать дней? – спросил я.

Он наконец с трудом проглотил кусок.

– Вернее? Никакого сравнения, приятель. Эти бредовые ежемесячные диаграммы Россмена ничего не отражают, кроме самых общих представлений о погодных тенденциях в данном регионе – температура, количество осадков для таких районов, как Новая Англия или юго-запад в целом. Про-

гноз температуры оправдывается на семьдесят пять процентов, а осадков – меньше чем на пятьдесят. В общем ерунда.

– А ваши прогнозы?

– Гарантирую девяносто пять процентов точности. А по местности – до одного метра. Еще немного поработать, и я скажу, на какой стороне улицы пойдет дождь. Часы будете проверять по моим прогнозам!

– Тэд, конечно, немного преувеличивает, – сказал Тули, – по месячные прогнозы, действительно, весьма приближительны: даже прогнозы Бюро погоды и его местных отделений на три дня вперед оправдываются процентов на девяносто, не больше.

– И вовсе я не преувеличиваю, – настаивал Тэд. – Бюро в лучшем случае может предложить лишь самый общий прогноз температуры, ветров и осадков. Да я сам видел, как программисты закладывали в компьютер бабушкины присказки, вроде, знаете, такой: «Небо красно поутру – моряку не поутру». Ну, по ерунда ли это? А результат был ничуть не хуже, чем ежедневные сводки Бюро погоды. Клянусь! А я делаю точные прогнозы. С точностью «скорость ветра – миля в час, количество осадков – два-три миллиметра».

– Если получится, – сказал Тули, – это будет сенсация!

– Ладно, мой скептически настроенный Конфуций, я собственноручно вычислил погоду на оставшиеся дни недели в Бостоне. Если прогноз оправдается, закладываем в машину прогноз погоды на неделю вперед на континентальные рай-

оны Соединенных Штатов.

– Скромное начало, – бесстрастно произнес Тули. – Почему бы не составить месячный прогноз для всего мира?

Тэд взглянул на него.

– Возможно, через недельку я так и сделаю.

– Чует мое сердце, не до сна нам будет, начиная с этого момента и вплоть до понедельника, – сказала Барни.

– А может, и всю следующую неделю, – весело откликнулся Тэд. – Я намерен предсказать климатические изменения на три месяца вперед.

Тули сказал:

– Когда ты получишь, наконец, свою степень, тебе придется поделить ее с Барни.

– Я грозил жениться на ней. Если ее и это не пугает, ее не испугаешь ничем.

Барни промолчала, и беседа, казалось, зашла в тупик.

– Можно спросить?

– Конечно, Джерри.

– Вы тут говорили о прогнозах погоды и предсказаниях изменения климата. Какая между ними разница?

Тэд управился наконец со своим белковым концентратом.

– Как сыграли «Красные носки» вчера вечером?

– А?

– Они выиграли со счетом четыре-ноль, – ответил Тэд самому себе.

– Но какое это имеет отношение...

Он будто не слышал меня.

– Позавчера они тоже выиграли, шесть-пять. А вот в понедельник продулись, восемь-один.

– Варварская игра, – пробормотал Тули. – Никогда не заменит стрельбу из лука.

– Так вот, каждая игра, – продолжал Тэд, не обращая внимания на Тули, – это как погода каждого дня.

– То есть, по-вашему, каждый день она разная?

– То гладкая, то жесткая, напряженная игра, то легкая победа... и все это бейсбол. Казалось бы, все игры проводятся по одним правилам, и вместо с тем ни одна не повторяет полностью другую. Так?

Я кивнул.

– А теперь скажите, какое место в таблице занимает команда «Красные носки»? Четвертое, да? Две игры отдали «Сэттлу»... Вот вам климат на данный сезон... грубо говоря. В прошлом, году они были на шестом месте – семнадцать игр отдали ни за понюшку табаку, пентюхи.

– Кажется, я понял. Окончательный итог...

– ...каждодневных погод в течение продолжительного времени составляет климат, – закончил Тэд. – Можно предсказать, например, что в этом году «Носки» будут где-то между третьим и шестым местом. Это, пожалуй, несложно. А вот чем закончится завтрашний матч, сказать труднее. Верно?

– Думаю, это мне понятно.

– Вот и хорошо. – Тэд вновь обратился к Барни и Тули. – Если мне удастся достать вам в помощь еще двух парней, мы сумеем дать прогноз погоды для любого района нашей страны на две-три недели вперед. Как, годится для докторской диссертации?

– Не знаю, как для диссертации, – сказал я, – но ото как раз то, ради чего я сюда приехал.

Кафетерий понемногу пустел, а я все рассказывал о штормах в Тихом океане, об отцовских подводных хозяйствах, о гибнущих драгах.

Тэд внимательно все выслушал, потом сказал:

– Да, паршивый для тех мест год выдался, это точно. Всегда так при минимуме солнечных пятен. Но вам нужны не долгосрочные прогнозы. Вы нуждаетесь в управлении погодой.

– Я об этом и просил доктора Россмена, а он сказал, что это невозможно.

– Правильно... С его точки зрения.

– А с вашей?

В кафетерии становилось все тише. Тэд придвинулся ближе к столику и понизил голос.

– Послушайте, что нужно для того, чтобы управлять погодой? Во-первых, исчерпывающая информация о том, что происходит в данный момент, какая где стоит погода. Этим мы располагаем. Во-вторых, мы должны вносить изменения в погоду там и тогда, где и когда нам нужно. Настоящие из-

менения, не какие-нибудь трюки. Такие ребята, как Тули и старина Барневельд, выпускают отличные химикалии для засеивания облаков и изменения баланса энергии. А у наших ВВС на орбите есть такие лазеры, с помощью которых можно поджарить яичницу с расстояния в тысячу миль.

Он отхлебнул глоток кофе и продолжал:

– В-третьих, мы должны знать баланс энергии атмосферы в глобальном масштабе. Это мы можем сделать уже сейчас. И последнее: мы обязаны располагать точным прогнозом погоды для всех точек Земли на недели, а то и месяцы вперед. Только тогда можно рассчитать, какие изменения мы вызовем. Никто не станет усмирять шторм, если есть хоть малейшая угроза вызвать тем самым снежный ураган во Флориде.

В чем в чем, а в логике ему не откажешь.

– Понятно, – сказал я. – Насколько я понял, в настоящее время вы заняты решением именно этой, последней проблемы – разработкой точнейших долгосрочных прогнозов.

– К концу этой недели выяснится, способны ли мы на это. Мне кажется, способны.

– И ты в самом деле веришь, – спросила Барни, сосредоточенно нахмурившись, – что уравнения турбулентного переноса являются ключом к точному долгосрочному прогнозированию?

– В них все дело! – настаивал Тэд. – Ты посмотри. Что такое погода? Это же турбулентные потоки воздуха... простая аэродинамика плюс вода. – Он повернулся ко мне и продол-

жал:

– Вода – вот где собака зарыта... В виде пара, дождя, снега или льда. Она способна высвободить тепло или поглощать его. И что нам совершенно необходимо для прогнозирования – это информация о том, когда и сколько снега или дождя выпадет на нашу долю. Так?

Я кивнул.

– Так вот, с точки зрения специалиста по аэродинамике, проблема погоды – в определении пограничного слоя воздуха, прилегающего к поверхности Земли. Но это *турбулентный* пограничный слой, что сразу же усложняет проблему. Когда на вас дует ветер, разве вы ощущаете его как постоянный, ровный поток определенной силы? Он налетает порывами, шквалами и не изменяется секунду-другую, не дольше. Потому что он турбулентный!

– Турбулентный поток, – пояснил Тули, – означает, что движение в нем происходит сразу в двух направлениях – горизонтальном и вертикальном. По всей тропосфере, то есть в нижнем слое атмосферы, воздух находится в постоянном турбулентном движении. Над тропопаузой...

– Это верхняя граница тропосферы, – дополнила Барни. – Высота примерно от двадцати до сорока тысяч футов.

– Да, – продолжал Тули, – так вот, над тропопаузой находится стратосфера. Воздушный поток там течет почти совершенно ламинарно, он движется горизонтально, с очень незначительными вертикальными колебаниями.

От всего услышанного у меня голова пошла кругом.

– Постойте! Кто-то из вас – кто именно, не помню – назвал воздух потоком. Я не ослышался?

– Потоки могут быть жидкими, газообразными и плазменными, – уточнил Тули.

– Понятно? – спросил Тэд. – То, что мы называем «погодой», существует только в тропосфере, то есть в турбулентном потоке. Выше тропопаузы нет ни турбулентности, ни погоды.

– Там струйные течения, – сказал Тули. – Они тоже определенным образом влияют на погоду.

– Конечно. А еще выше можно обнаружить электрически заряженные слои в ионосфере, и магнитные бури от вспышек на Солнце, и частицы космических лучей, и мало ли еще чего. Но это уже воздействия второго, а то и третьего порядка. На ежедневную погоду у нас здесь, внизу, они существенно не влияют. Хотя могут повлиять на климат.

– Но все-таки кухня погоды находится в турбулентном слое воздуха? – попытался я внести ясность в собственные представления.

– Правильно. Поэтому до работ Института Крейчнана, позволивших следить за тем, что происходит в турбулентных потоках, не было реальной возможности предсказывать погоду. Мне удалось использовать работу Крейчнана для прогнозирования погоды. Если все пойдет так, как я это себе представляю, мы действительно сможем научно предсказы-

вать погоду, а не гадать на кофейной гуще.

– Но как сейчас делаются прогнозы? Они не так уж плохи без всех этих рассуждений о турбулентности.

Тэд усмехнулся и откинулся на спинку стула.

– Как они делаются сейчас? По-всякому. Подбрасывают монету, играют в рулетку, ждут появления болей в суставах...

– Тэд, будь справедливым, – сказал Тули. – Техника прогнозирования опирается в основном на регулярно повторяющиеся наблюдения...

– Смотрят в окошко, как там погода, – прервал его Тэд, – и стараются определить, что будет в ближайшее время. Довольно сложно, но справляются с этой задачей неплохо, только на короткие периоды – день-два, не больше.

Тули кивнул.

– Мы сейчас можем видеть весь земной шар благодаря спутникам. А математические модели позволяют метеорологам в деталях и с известной точностью предсказывать, в каком направлении будет изменяться погода на поверхности Земли.

– Пока еще многое делается впустую, – упорствовал Тэд. Тули вновь согласно кивнул головой.

– Все это довольно запутанно, – сказал я и оглянулся. Только тут я заметил, что в кафетерии, кроме нас, никого нет.

– Закрывают, – сказала Барни. – Если мы не хотим, чтобы

нас вывели отсюда уборщики...

– В самом деле, пора за работу, – сказал Тэд.

Мы направились к дверям.

– А идея об управлении погодой – это серьезно? – спросил я Тэда.

На бесстрастном лице Тули впервые прорезалась улыбка.

– Задайте лучше ему вопрос потруднее, например, собирается ли он дышать весь остаток дня.

– Значит, все решено, – сказал я, когда мы выходили в холл.

– Если наша схема прогнозирования погоды сработает, – ответил Тэд, – нам потребуется лишь одно...

– Что именно?

– Разрешение.

– Только-то? Так ведь доктор Росмен будет рад предоставить в ваше распоряжение все во имя такого дела.

Тэд покачал головой.

– Это новая идея. И что того хуже – не его.

Росла гора. Протяженностью, как Альпы, выше Гималаев, гигантская, невидимая гора воздуха формировалась над Атлантическим океаном в районе между Бермудами и Американским континентом. Холодный, плотный воздух опускался с высоты под влиянием низкой температуры и скапливался над поверхностью океана. Гора росла и ширилась, настоящая гора, увенчанная вершиной. Но она двигалась. Она вращалась по часовой стрелке, закручиваясь в спираль над оке-

аном, ветры из-под ее основания устремлялись вдоль моря и его берегов. Высокое давление придавливало ее, выталкивало ее западные отроги чуть ли не на сотню миль внутрь Американского континента. Теплый субтропический воздух с Карибского моря и Мексиканского залива поднимался на север вдоль восточного побережья, неся с собой тепло и влагу. Часть теплого воздуха, более подвижного и легкого, чем сжатая высоким давлением гора, поднялась над холодной плотной воздушной массой. Вверху она охладилась, водяные пары сконденсировались и облачным душем пролились на землю. Метеорологи заговорили о зоне высокого давления на Бермудах, а люди на улицах Бостона просто сказали: «Весна. Пришла наконец».

Под теплым весенним дождем я вернулся в отель. От скудного завтрака живот подвело, голова раскалывалась при мысли, что я скажу отцу. Еще из машины я позвонил в «Торнтон аэропейс» и заказал билет на ракету в Гонолулу. Поднимаясь в номер, сказал портье, что не знаю, сколько еще пробуду, заказал обед и вызвал отца.

– ...Вот что сказал Россмен, – подытожил я свой пятнадцатиминутный доклад. – Он готов предоставить в наше распоряжение службу срочного прогноза, но управлять штормами, заставить их менять направление, по его мнению, невозможно.

Отец нахмурился.

– Это нас не спасет, Джереми.

– Знаю.

Видеофон находился на столике рядом с подносом, на котором принесли еду. Я встал с дивана и прошелся по комнате.

– Перестань болтаться, сядь, чтобы я мог тебя видеть! – вскричал отец.

Я сел на подоконник возле тихо жужжащего вентилятора и посмотрел в окно – далеко внизу, на улице, копошился народ.

– Выходит, нам остается сидеть здесь и надеяться, что Климатологический отдел будет вовремя предупреждать нас о штормах, чтобы мы могли уберечь людей от гибели? – На лице отца отражалась привычная для него мысль: как же много я плачу налогов и как мало за это получаю.

– Это не все, отец. В Отделе есть люди, которые считают, что управление погодой возможно, но не сию минуту.

И я рассказал об идее Тэда.

– Насколько серьезен этот мальчик? – спросил отец. – Кто он – пустой прожектер и мечтатель или с ним можно иметь дело?

– По-моему, на него можно положиться. И доктор Барневельд – ты ведь знаешь, он лауреат Нобелевской премии, – кажется, поддерживает Тэда. Так что это не похоже на бред сумасшедшего.

– Ученые могут заблуждаться, даже лауреаты Нобелевской премии.

– Все может быть. Не остаться ли мне здесь еще на некоторое время и посмотреть, что из этого выйдет? Тэд способен добиться того, в чем мы так нуждаемся. Даже его долгосрочные прогнозы сами по себе могут оказаться весьма полезными для нас.

Отец кивнул.

– Согласен. Правда, я не уверен, что это твое дело – следить за ним. Уж очень ты далеко от дома, малыш.

– Я могу сам о себе позаботиться, да и родственники тут близко – несколько минут езды на машине.

– Ты еще не встречался с дядюшками и тетей Луизой?

– Нет еще. Но я к ним обязательно заеду.

– Непременно. Было бы скверно, если бы ты, будучи в Бостоне, не нанес им визита, – несколько вымученно согласился отец. – Передай им привет от меня. И смотри, не переборщи с этой проблемой погоды.

– Да, сэр.

– И постарайся сблизиться с этим Марретом – он, может, и чокнутый, но, судя по всему, он – наша единственная надежда.

«Сблизиться» с Тэдом оказалось делом не таким уж легким: с утра он торчал в Технологическом институте, днем – в Климатологическом отделе, а вечерами обычно работал то тут, то там. Он вечно пребывал в движении.

Барни подсказала мне, что субботнее утро Тэд обычно проводит на спортивных площадках в Кембридже, недалеко

от дома.

Там я его и изловил, в небольшом зале рядом с главной баскетбольной площадкой, когда он давал урок фехтования Тули. В белом костюме и фехтовальной маске он был похож на громоздкого, малоподвижного гладиатора. Мне подумалось, что Тули ничего не стоит обойти его. Но оказалось, что в бою Тэд движется с мягкой грацией леопарда.

– В колледже увлекался бейсболом, был полузащитником, – объяснил он, когда они кончили упражняться. По лицу его стекал пот. – Там мне и покалечили нос. А когда служил в ВВС, мой капитан приохотил меня к фехтованию: он любил фехтовать, научил меня, теперь я учу Тули. Пытался втянуть в это Барни, по се хватило всего на несколько недель. А здорово! Вы должны попробовать.

Когда мы выходили из зала, Тули сказал:

– Через субботу мы с ним занимаемся каратэ. Тут уж я учитель, а он – ученик.

– В каратэ мало движения, – пожаловался Тэд, вешая на плечо спортивную сумку, – почти все время уходит на упражнения и восточные церемонии...

Пока мы шли к раздевалке, Тэд неожиданно предложил:

– Как насчет того, чтобы поплавать наперегонки? У нас еще двадцать минут в запасе. Пошли, Джерри, костюм мы вам раздобудем.

Я с радостью согласился. Мы проплыли две дистанции, и я его легко обошел.

– Рыба окаянная! – завопил он, брызгаясь водой. – Совсем забыл, что вы островитянин. Ладно, давайте еще разок.

Для него это был вызов, он не мог успокоиться. На шестой дистанции он уже поравнялся со мной. У него была неправильная координация движений, но он брал силой, и шел уже наравне со мной, след в след.

– Похоже, вы можете все, – сказал я, когда мы вылезли из бассейна.

– Нет смысла пытаться делать что-либо, пока не научишься делать это правильно, – ответил он.

Пока мы одевались, Тули спокойно рассказывал мне:

– Он из тех, кто если делает что-нибудь, то делает это лучше всех или не делает вовсе. Он уже почти так же хорошо владеет приемами каратэ, как я, хотя я овладевал этим искусством годами, а он – всего несколько месяцев.

– Удивительный человек, – сказал я.

– Когда в прошлом году я впервые пришел в Технологический, – продолжал Тули, – один лишь Тэд хорошо меня принял. Я ужасно говорил по-английски. Он снял квартиру вместе со мной и потратил два месяца, чтобы поставить мое произношение. Таких, как он, мало.

Когда мы оделись, Тэд предложил перекусить.

– Прямо здесь, в Кембридже? – спросил я.

Он кивнул.

– Мне нужно кое с кем встретиться в Бостоне, – солгал я.

Пожав плечами, он сказал:

– В таком случае пока, – и направился к выходу.

– Я хотел спросить, – едва поспевая за ним, спросил я, – как продвигаются дела с длительным прогнозом?

Он улыбнулся.

– Пока что здорово. Подсчеты, которые я делал собственноручно в середине недели, как будто оказались правильными. Сегодняшний утренний прогноз местного Бюро погоды совпадает с моим – только мой, конечно, более детально разработан.

– И к тому же был готов три дня назад.

– Четыре. В нашем распоряжении сейчас компьютер Технологического института, с его помощью мы разработаем детальный прогноз погоды на следующую неделю. Сегодня ночью должны закончить расчеты. Потом предстоит собачья работа – все выверить... для всей страны на восемь дней, от воскресенья до воскресенья.

– Не забудь, в твоём распоряжении половина Метеорологического отдела института и три четверти компьютеров нашего Климатологического отдела, – сказал Тули, распахивая двери раздевалки.

– Так много? Это хорошо, они все нам понадобятся. Даже может не хватить.

– А Россмен знает об этом? – спросил я.

Тэд подмигнул:

– Надеюсь, нет. По крайней мере пока. Если он узнает, сколько человеко-часов мы уворовываем для нашего контра-

бандного дела...

– Некоторые восточные методы, к которым мы прибегаем, могут показаться ему нежелательными, – сохраняя бесстрастное выражение лица, добавил Тули.

– К пятнице у нас будут готовы прогнозы погоды для всей страны на целую неделю вперед. Тогда я и скажу об этом Россмену... Если получится.

– Почему бы нам не отпраздновать такое событие? – предложил я. – На уик-энд мы могли бы поехать в Торнтон.

– Торнтон?

– Мое фамильное гнездо в Марблхэде.

Тэд взглянул на Тули.

– Прекрасно. А почему бы не поехать? Вполне вероятно, что в следующей уик-энд праздник состоится.

Мы скрепили договор рукопожатием, и я сказал, что попрошу и Барни принять участие в празднестве.

– Я сам поговорю с Барни, – сказал Тэд, и в его голосе прозвучала не то, чтобы враждебность, нет, но было в нем слишком много жесткой решительности.

4. Барни

Только днем в воскресенье они снова подали о себе ве-
сточку. Я смотрел телевизор у себя в номере, когда зажу-
жал видеофон. К моему удивлению, звонила Барни.

– Тэд сказал мне, что вы приглашаете нас на следующий
уик-энд в Марблхэд.

– Да, – ответил я. – Надеюсь, вы сможете поехать?

– Не вижу, почему бы нет. Очень мило с вашей стороны
пригласить нас. Однако должна предупредить: я заглянула в
прогноз Тэда на этот район – судя по всему, там весь уик-
энд будет лить дождь.

«Именно это мне и нужно», – подумал я, а вслух сказал:

– Какая досада! А я мечтал прокатиться с вами на яхте.

Но, быть может, прогноз Тэда не оправдается.

– Не говорите так... он будет страшно огорчен.

– Пожалуй, вы правы.

Она разочарованно покачала головой:

– А мне так хотелось прокатиться под парусом! Вот ведь
невезение – всю неделю будет прекрасная погода. До самого
вечера в пятницу...

Я выглянул в окно. Чарлз-ривер вся была утыкана паруса-
сами.

– Не могли бы мы выбраться как-нибудь среди недели...
на небольшую прогулку?

– После работы? Успеем ли?

– Конечно, – уверил я.

– Отлично, – радостно согласилась Барни. – Вас устроит вторник?

– Я за вами заеду.

– Чудесно.

И вот во вторник я быстро съездил за нею за город, и, вернувшись в Бостон, мы уже плыли по реке на взятой напрокат яхте. Мы скользили по реке среди множества таких же парусников, иногда зигзагами случайный теплоход пробивал себе дорогу сквозь нашу флотилию. Солнце уже садилось за небоскребы в районе Бэк-Бэя, его отражения вспыхивали в окнах Технологического института на той стороне реки, в Кембридже.

– Я очень рад, что у вас сегодня выдался свободный вечер, – сказал я.

– Мне тоже очень приятно, – Барни пришлось повесить голос, чтобы заглушить хлопанье парусов на ветру. Она была в брюках и в слишком просторном для нее свитере – мы обнаружили эту одежду на яхте. – Тэд нам дохнуть не давал с этими прогнозами. Но, думаю, с оставшейся работой компьютер справится и без меня.

Я лег на спину, придерживая одной рукой румпель и отдавшись во власть бризу. Барни явно наслаждалась прогулкой.

– Скажите, Тэд всегда такой?

– Какой? – спросила она.

– Мне он напоминает действующий вулкан.

Барни рассмеялась.

– Он очень озабочен техникой прогнозирования. А эта неделя – очень важная для него.

При подходе к Гарвардскому мосту мне пришлось вырваться на середину реки.

– Вы много времени проводите вместе?

– Да, пожалуй, – в промежутках между работой и его занятиями. А иногда мы назначаем друг другу свидания, и тогда он почти не вспоминает о метеорологии.

– Это на него не похоже.

– Знаю, – и она снова рассмеялась. – Но это правда. Сначала я думала, что нужна ему лишь как помощница, чтобы заниматься вычислениями после работы. Он ведь не очень хороший математик. Возможно, так оно и было... вначале.

– А теперь?

– Теперь? – Она вытерла капли на щеке. – Вы же слышали, что он говорил на той неделе... Грозился жениться на мне.

– А вы согласны?

– Он еще не делал мне предложения. Мне думается, Тэд просто считает меня своей девушкой и женится на мне когда-нибудь после того, как осилит управление погодой.

– То есть, по-вашему, он считает это само собой разумеющимся?

Кивнув, она сказала:

– Вы должны понять его, Джерри. Он настолько погружен в свою работу, что люди... нет, только не поймите это так, что они для него на втором плане, но Тэд просто не замечает людей, пока они сами не заставят его обратить на них внимание. И в то же время он не в состоянии проделать всю необходимую работу собственными силами. Ему нужны люди, их помощь. Вот я и помогаю и стараюсь не создавать ему лишних проблем.

– Это очень удобно для него.

– Надеюсь. Никогда не встречала таких людей, как. Тэд. Он видит дальше всех, вынашивает самые смелые мечты. Пожалуй, и меня он включил в свои планы на будущее. – Она чуть запнулась: – Порою мне кажется, что я играю в его жизни почти такую же важную роль, как управление погодой.

– Но вы заслуживаете лучшей участи!

– И я ему об этом без конца твержу!

Я повернул яхту к пристани, а потом мы поехали в один из лучших студенческих ресторанов на Гарвард-сквер и поужинали. Барни расспрашивала меня о Гавайях и о моей семье. И сама рассказала мне о гражданской войне в Южной Африке и о том, как ее отцу удалось однажды спасти 150-дюймовый телескоп.

Мы зашли в новый театр-голограмму на представление, затем по набережной Чарлз-ривер доехали до «Фэкьюлти Роу», где Барни жила со своим дядей. Барневельд преподавал в Технологическом институте и одновременно работал в

Климатологическом отделе.

– Было очень мило, Джерри, – сказала Барни, когда я помогал ей выйти из машины. – Я чудесно провела вечер.

– Очень рад. Можно вскоре повторить его.

– Не возражаю.

Я хотел поцеловать ее, но прежде чем я надумал сделать это, она повернулась и направилась к дому. Я оторопело смотрел, как она машет мне рукой и желает спокойной ночи.

Даже в эти солнечные дни уходящего апреля воздух в Арктике был пронизан холодом. Он висел над макушкой вращающейся Земли, запертый в стенах западных ветров, образующих Арктическое кольцо. Но стоило континентам Азии и Северной Америки прогреться под лучами весеннего солнца, как в подвижной, динамической атмосфере началась сложная перестройка. В западном потоке образовался прорыв – не надолго, но достаточно для того, чтобы огромная масса полярного воздуха сумела выскользнуть из своей арктической тюрьмы и понеслась к югу. За этим последовала целая цепь событий, захвативших полмира. Холодная воздушная масса столкнула недостаточно устойчивую область высокого давления вниз, вдоль берегов Северной Канады, На всем континенте погода то и дело менялась, пока огромные слои воздуха сталкивались, перемешивались в поисках нового равновесия. Зона высокого давления на Бермудах рушилась под напором новых плотных воздушных масс. Крохотные островки низкого давления – всего несколько скоп-

лений облаков над побережьем Веракрус – втягивались в узкую щель, зажатую, как в сэндвиче, между двумя западными потоками воздуха с высоким давлением. В северо-восточном направлении двигался небольшой шторм, по мере своего продвижения набирая силу и влагу из моря.

Следующее утро я провел в Бостонской публичной библиотеке, отбирая микрофильмы по метеорологии (в большинстве из них, как потом оказалось, я так и не смог разобраться) и убеждая заведующую библиотекой разрешить мне взять их с собой, хоть я и не являюсь жителем города.

Когда, нагруженный кассетами, я вернулся в свой номер, меня встретило гудение видеофона. Я поторопился открыть дверь и крикнул «Алло!», чтобы включился приемник, думая, что звонит Барни, но, войдя в комнату, увидел на экране лицо отца.

– Ну, наконец-то ты появился, – сказал он, когда я остановился перед экраном.

Я бросил на диван микрофильмы.

– Джереми, мы получили первые срочные прогнозы из Бюро погоды вместе с анализом тенденций развития погоды на ближайший месяц.

– Как они тебе показались?

Отец покачал головой.

– Увы, ничего хорошего! Я намерен прекратить все работы на драгах до конца месяца. Предупреждение о шторме, который то ли еще захватит нашу зону, то ли пройдет сто-

роной, за три дня вперед нас совершенно не устраивает. Я лучше приостановлю работы и потеряю на этом деньги, чем пожертвую оборудованием или людьми.

– Мне очень жаль.

– Это не твоя вина. Ты сделал все возможное. Беда в том, что, если мы нарушим условия контракта с «Модерн металз», пойдут слухи о том, что глубоководные разработки руды – вещь нерентабельная. Вот тогда нам действительно крышка!

Я присел на край дивана.

– Отец, как ты смотришь на приобретение точных, привязанных к определенному месту долгосрочных прогнозов – на неделю, а то и больше вперед? Она надежны на сто процентов.

Отец хмыкнул.

– Над этим сейчас работает Тэд. К концу месяца он мог бы составить для нас график прогнозов с предсказанием погоды по всему региону, где находятся наши драги. Прогнозы будут рассчитаны на две-три недели вперед.

Отец задумчиво потер подбородок.

– Если он это сделает, мы не станем закрывать разработки, прекратим временно работы на драгах перед самым штормом, а потом возобновим их. Но мы должны получать предупреждение за неделю до шторма.

– Тэд это сделает, я уверен. По крайней мере за две недели. И тогда вы будете точно знать, когда следует прекращать

работы на драгах и на какое время. Вы сможете предвидеть воздействие штормов на всю систему.

– Неужели он и в самом деле может сделать подобное, этот твой Маррет?

– Наверняка я буду об этом знать в конце недели.

Несколько секунд отец размышлял над полученной информацией.

– Хорошо, Джереми. Драги будут работать до конца этой недели. Моли бога, чтобы на нас не обрушился сильный шторм в это время!

– Буду стучать по деревяшке.

Сам того не ведая, я поставил Тэда в трудное положение, а он об этом понятия не имел! Я попробовал дозвониться до него, но безрезультатно. Тогда я соединился с Барни.

– Даже не знаю, как вам повидаться с Тэдом, – ответила она мне. – Сегодня вечером он будет занят проверкой долгосрочных прогнозов. Я собираюсь ему помогать... Почему бы вам не присоединиться к нам?

– Где?

– У Тэда. Мы отправимся туда прямо после работы. Там и поедим. Будем рады вам.

– Замечательно! – Но тут я вспомнил, что Тэд называет «едой». – А может, лучше встретимся после ужина?

Она улыбнулась, как будто прочитав мои мысли.

– Сегодня готовить буду я. Так что, возможно, вы и не пожалеете...

– Да нет, что вы... Я не то хотел сказать...

– Ладно, Джерри. Не извиняйтесь. Я тоже предпочитаю соевым котлетам настоящий бифштекс.

– Я, наверное, просто глупец и сноб. – Тут мне в голову пришла замечательная мысль. – Послушайте, а что, если я привезу обед с собой? Скажу, чтобы мне здесь, в отеле, что-нибудь приготовили, и упакую все в пластмассовую посуду. И вам не придется потом возиться с мытьем.

Она засомневалась.

– Не знаю, как к этому отнесется Тэд...

– Это уж мое дело. Зато вам я сэкономлю время и хлопоты. Идет?

– Уговорили.

Следуя указаниям Барни, я подъехал к дому Тэда около пяти. Заднее сиденье такси было завалено свертками. Из подъезда я позвонил Тэду и попросил его помочь мне дотащить пакеты.

Он тут же спустился и удивленно уставился на привезенное мной.

– Его Попечительство соизволило явиться в Кембридж, – провозгласил он.

Мы перенесли свертки наверх и поужинали. Еда была отличная, даже Тэд казался убоготворенным.

– Я начинаю понимать, что стоит иметь богатых друзей, – сказал он, развалившись на единственном в комнате маленьком диване. – Будь осторожнее, Джерри, не то разнежишь

меня.

– Я просто подумал, что это облегчит работу Барни.

– Уменьшение энтропии придает ей силы для полезной деятельности. Впрочем, я на нее не могу пожаловаться.

Едва с едой было покончено, как маленькая комнатка Тэда превратилась в метеорологическую лабораторию. На столе, на диване-кровати, на подоконнике и даже на кухонной полке – всюду были набросаны бумаги: карты, графики, расчеты, рулоны перфолент. Тэд и Тули погрузились в таинственный диалог, в то время как Барни снабжала их материалом.

– Индианаполис, – выкрикнул Тэд.

– Семьдесят три, пятьдесят один, десять – шестнадцать, точка, ноль – четыре, запад двенадцать на восемнадцать, – выпевал в ответ Тули.

– Верно. Мемфис.

Барни придвинулась ко мне и прошептала:

– Они сверяют пятичасовые отчеты о погоде со станций, расположенных по стране, с предсказаниями Тэда, которые он сделал неделю назад. Пока почти все совпадает в пределах одного-двух процентов.

– Здорово!

Было далеко за полночь, когда Тэд перевернул последнюю перфоленту и победно провозгласил:

– Итак, последняя! Мы достигли своего, дети мои!

– Думаешь, Россмен тебе поверит? – крикнула Барни из

кухни, где она кипятила воду для кофе.

– Ему не останется ничего другого! – заявил Тэд. – Вот цифры, и все они совпадают. Придется нашему доктору проглотить это!

– А мог бы ты сделать такой же прогноз для определенного района в Тихом океане? – спросил я.

Он повернулся ко мне.

– Для драг «Торнтон»? Конечно, почему бы и нет? Возможно, не с такой точностью, потому что там нет такого количества станций наблюдения... Но мы можем сделать так, что сумеем предупредить твоего предка, когда понадобится прикрывать прииски из-за грядущих штормов...

– За сколько дней вперед?

Тэд пожал плечами.

– За неделю или дней десять. А то и за две недели.

– Отлично!

– Правда, придется здорово поработать, – сказал он, – а на контрабанде далеко не уедешь.

– Фирма оплатит эти работы.

– Но прежде всего, – вмешался Тули, – нужно сопоставить наши оставшиеся прогнозы с официальными на конец недели.

– И сунуть их под длинный нос Россмена, и посмотреть при этом, как он позеленеет от удивления! – воскликнул Тэд. – Пятница должна стать великим днем: я все покажу Россмену!

– А на уик-энд все еще предполагается дождь?

Он кивнул.

– Нам придется отказаться от прогулки на яхте.

– Не теряй надежды – все может измениться.

Я не понял, о чем это он, но спросил:

– Вы все равно поедете?

– Попробуй нас остановить!

Прошел четверг. Я угробил на чтение массу времени, и все без толку. В большинстве книг было слишком много уравнений, которых я не мог осилить. Остальные же писались для простачков. А главное – в них не было и намека на увлеченность, с которой к проблеме погоды подходил Тэд, – в его устах она жила, дышала. В пятницу я оставил это бесполезное занятие и весь день проторчал у телевизора.

Можете не сомневаться – стоило мне сесть в машину, чтобы ехать в Климатологический отдел, как пошел мелкий, унылый дождь. Никогда я не видел нашу троицу такой огорченной, как в те минуты, когда она направлялась под дождем к моей машине.

– Да не печальтесь вы так, – принялся я утешать их, – если даже прогулку на яхте придется отложить, мы все равно получим массу удовольствия.

– Дело не в этом, – сказала Барни. Она села рядом со мной на переднее сиденье.

– Что-нибудь случилось? – Я заметил, что она вот-вот заплачет.

На заднем сиденье, согнувшись в три погибели и всем своим видом выражая отчаяние, сидел Тэд. Даже Тули утратил свою обычную невозмутимость.

– Сегодня Тэд показал свои прогнозы Россмену, – сказала Барни.

– Ну?

– Он считает их очень интересными, спасибо, – прорычал Тэд. – Но шума подымать тут не из чего, скорее всего, это просто счастливое совпадение.

– Совпадение?..

– Именно так он сказал.

– Но что это может значить?

– Ничего – вот что это значит! Мы показываем ему, как делать точные прогнозы погоды за неделю вперед, а он кладет идею в ящик и делает вид, что ничего не было.

5. Изменение погоды

– Это не совсем так, – возразил Тули, пока я выводил машину со стоянки. – Доктор Россмен сказал, что намерен изучить новую технологию, прежде чем выйдет на Бюро погоды с предложением принять ее в качестве нового метода прогнозирования.

– «Изучить», – проворчал Тэд. – Это значит по меньшей мере еще два года ожиданий.

– Россмен – человек осторожный, – сказал Тули.

– Ага, особенно, если это не его идея. Он мог бы проверить систему экспериментально, чтобы убедиться в ее эффективности. Через три месяца у него было бы достаточно данных, чтобы удовлетворить Конгресс, Верховный суд и Коллегию Кардиналов. Но не его самого. Он собирается высиживать эту идею, играть на ней потихоньку до тех пор, пока всем не станет ясно, что это *его* идея.

– Ты хочешь сказать, что больше не сможешь заниматься долгосрочным прогнозированием? – спросил я.

– Теперь – нет. Теперь идея принадлежит Климатологическому отделу. Россмен рассматривает ее как свою собственность. Он приказал мне заниматься той работой, за которую мне платят, и не лезть в руководители Отдела.

При этих словах вид у меня стал такой же унылый, как небо над нашими головами.

– Что же будет с идеей управления погодой?

– Видел бы ты его лицо, едва я заикнулся о том, что долгосрочные прогнозы позволят разработать методику управления погодой. Он чуть в обморок не упал! Запретил мне даже поминать где бы то ни было о воздействии на погоду.

Подавленные, не перекинувшись больше ни словом, выехали мы на северное побережье. На перешейке, соединяющем мыс Марблхэд с материком, нас встретил проливной дождь.

– Тютелька в тютельку, – угрюмо пробормотал Тэд, глядя в окно. – Вечером дождь, завтра и в воскресенье – целый день. Так *они* считают.

– Что ты хочешь этим сказать? – насторожилась Барни.

Он только буркнул:

– Увидишь.

Торнтон почти не изменился с тех пор, как я видел его несколько лет назад в свой последний приезд. Большой белый дом в колониальном стиле, но без претензий, с черными жалюзи и красной дверью. Небольшая поляна перед фасадом, цветущий кустарник вокруг входного портика, гараж, помещение для лодок и пристань – вот и все.

Я остановил машину перед главным подъездом под навесом.

Первым из машины вышел Тэд.

– Кто строил – Майлс Стэндиш?

– Нет, – сказал я, открывая дверцу. – Собственно, дом был

построен после Революции, а потом, лет сто назад, его отстроили заново, так как старое здание было разрушено ураганом.

Тэд посмотрел на меня с недоверием – будто я его обманываю.

– Прекрасное место! – воскликнула Барни, выходя из машины.

Дверь отворилась, и тетя Луиза с распростертыми руками кинулась ко мне. За нею следовало трое слуг.

– Джереми, как мило с твоей стороны!

Она обхватила меня за шею. Мне ничего другого не оставалось, как стоять и принимать ее горячие объятия. После недолгих, но бурных излияний восторгов я осторожно высвободился и представил тетушке Барни, Тэда и Тули.

– Добро пожаловать в Торнтон, – сказала она. – Слуги возьмут ваши вещи и проводят вас в комнаты. Ужин через час.

Когда мои друзья проследовали за слугами наверх, тетя Луиза буквально потащила меня в библиотеку.

– Теперь признайся мне откровенно, – заявила она, когда массивные двери сами закрылись за нами, – как твой отец?

– Превосходно. Честное слово. В полнейшем здравии, по-прежнему сварлив, энергичен. Он меня с братьями совсем загонял.

Она грустно улыбнулась.

– Знаешь, он же не был здесь со дня похорон дедушки.

– Никто из вас не был на Гавайях с тех пор, как умерла мама. Такое впечатление, что вся семья собирается вместе только по печальным поводам, – сказал я.

Я прошелся вдоль книжных стеллажей, достигавших потолка, и вернулся к резному деревянному столу, за которым обычно проводил дождливые дни дедушка Торн во время моих приездов в Новую Англию. Он любил повторять мне, как уговорил своего отца вложить деньги в коммерческие авиалинии, хотя многие поколения Торнов до того успешно занимались кораблестроением.

Тетя Луиза ходила по комнате рядом со мной.

– Джереми, твой отец всегда был бунтовщиком. Он ведь мог продолжать дело твоего деда и жить здесь, в Торнтоне. Мог бы стать главой семьи: ведь он старший в роде. Но он связался с этим бурением...

– Ты имеешь в виду Мохо...

– Да, и поспорил с твоим дедом. А потом убежал на Гавайи.

– И теперь он живет там, и у него собственное предприятие.

– Но мы никогда не видимся, – жалобно произнесла она. – Это нехорошо.

– Ну, а почему вы никогда не пригласите его сюда? Я думаю, он был бы рад получить ваше приглашение.

– Правда?

Я кивнул.

– Мы сегодня же вечером обсудим это с твоими дядями.

– Они оба здесь?

– Да, приехали на уик-энд. Хотели порыбачить, но дождь, видно, нарушит все их планы.

Сам не знаю почему я сказал:

– Не будь так уверена.

Мои дядюшки были совершенно непохожи на моего отца и друг на друга. Дядя Лоуэлл был тяжеловат, пузат, лыс и любил пошуметь. Любил также сигары и беседы, особенно такие, в которых говорил он сам. Дядя Тернер был очень высокий и худой, довольно тихий, внешне он соответствовал широко распространенному представлению о янки из Новой Англии.

Во время ужина, который проходил в старинной, освещенной свечами столовой, бразды правления за столом захватил дядя Лоуэлл. Он произнес убедительный монолог на тему о том, как процветает «Торнтон аэроспейс», как плохи дела у ракетчиков, которым приходится расплачиваться за риск и вкладывать все новые суммы в дело, а он может пожертвовать частью своего драгоценного времени и инженеров, чтобы помочь Тернеру, который в фирме «Торнтон шиппинг лайнз» занялся новым делом – строительством океанских судов на воздушной подушке.

И тут дядя Лоуэлл допустил промашку. Он упомянул о том, что такие суда сталкиваются с трудностями, как избежать встреч со штормами на море, потому что высокие вол-

ны затрудняют их движение.

Тут же, размахивая вилкой, в разговор вступил Тэд, и все остальное время ужина беседой управлял только он. Со штормов в море он перекинулся на долгосрочные прогнозы и управление погодой. В перерывах между блюдами и за десертом Тэд говорил с таким увлечением, что все мы, включая даже дядю Лоуэлла (который был этим не очень доволен), с восхищением смотрели на него.

– Чего я никак не могу понять, – сказала тетя Луиза, – так это изменчивость погоды в нашем штате.

– Это не только в Новой Англии, – возразил Тэд, покончив с десертом и откинувшись на спинку стула. – Так же обстоят дела и в сравнительно спокойной воде Атлантического океана между 30 градусами северной и южной широты и в районе восточного Заполярья. Мы с вами находимся в умеренной зоне, подверженной влиянию западных воздушных потоков, отсюда зимняя пурга, весенние наводнения, летние засухи и осенние ураганы.

За столом оживились.

– Поймите, в этом западном воздушном потоке штормы следуют за ясными днями, как на каруселях лошадки следуют друг за другом. – Тэд проиллюстрировал свои слова, повертев пальцем в воздухе. – Одна и та же погода не держится здесь даже несколько дней, а то и часов. Новая Англия достаточно близка к океану, откуда она получает много влаги, и в то же время далеко простирается на север, откуда прихо-

дят массы полярного воздуха. При сложении эти слагаемые дают хорошенькую пургу. И чем дальше от океана, тем хуже: океан – превосходный аккумулятор тепла, летом он запасает тепло, спасая вас от жары, а зимой отдает тепло и тем самым согревает вас.

– А что вы думаете о проблеме засух? – тихо спросил дядя Тернер. – Мне кажется, весенних дождей в этом году было меньше нормы.

Тэд согласился:

– И паводок был никудышный, и снега мало выпало в эту зиму. Надо ждать сухой погоды. Этой проблемой мы занимаемся сейчас очень серьезно. Хотелось бы не допустить недостатка влаги.

– А управление погодой, о котором вы говорили, могло бы предупредить засуху?

– Конечно, – сказал Тэд, нахмурившись. – Была бы возможность работать!

– От самой этой идеи воздействия на погоду у меня по спине мурашки начинают бегать, – признался дядя Лоуэлл. – Не в обиду присутствующим будь сказано, я и мысли не допускаю, чтобы какой-то там храбрец стал бы на скорую руку «исправлять» мою погоду. Слишком много риску.

– Подобные умонастроения надолго задержали в порту Колумба, – вспыхнул Тэд. – Из-за них же Соединенные Штаты чуть было не отказались от высадки на Луну.

– Позвольте, я никогда не был противником полетов на

Луно, всегда знал, что они себя окупают. Но возня с погодой...

– Человек уже меняет погоду каждый божий день. Столбы дыма, если их собрать воедино, делают погоду. Вы когда-нибудь на рассвете пролетали над городом? Видели, как начинают работать заводы? Вот она, погода, созданная человеком, да-да! Каждый раз, когда мы выдираем акр травы под очередное строительство и мостим этот акр, мы изменяем погоду.

– Но я...

– Кое-где на Ближнем Востоке изменили даже климат, насадив деревья и подведя к ним воду. Превратили пустыню в лес, и все это в течение жизни одного поколения. А русские использовали деревья как буны в океане ветров, чтобы поднять влажные ветры с озера Байкал на высоту, достаточную для того, чтобы они сконденсировались в облака и выпали дождем.

Тули кивнул, подтверждая слова Тэда.

– Но все равно это не то, что управление погодой везде и всюду, – упорствовал дядя Лоуэлл. – Нельзя же допустить, чтобы ученые скакали по всей стране и делали с погодой все, что им в голову взбредет... Это опасно!

– Гораздо опаснее, – парировал Тэд, – если не будет людей, пытающихся воплотить в жизнь свои идеи. Нельзя запретить думать – мир застопорится. Вот стонут по поводу того, что техника слишком быстро развивается и разрушает исконную красоту Земли. А сами ракетами отправляются на уик-энды

в Испанию и ратуют за открытие противораковой вакцины! Пусть себе стонут! А я буду работать на будущее. Они пусть грезят о вчерашнем, если им так хочется. Прошлого уже нет, и мы не можем изменить его к лучшему. Но в наших силах создавать будущее, завтрашний день. Почему мы не должны влиять на погоду? Почему мы должны сейчас сидеть в комнатах и ждать, пока пройдет дождь? Что ж, по-вашему, нам так и надо было оставаться в пещерах у костра?

Впервые дядя Лоуэлл не нашелся, что сказать.

Стремясь заполнить наступившую неловкую паузу, тетя Луиза довольно громко обратилась к Барни:

– Не хотите ли осмотреть дом, пока мужчины закончат свой спор?

Когда женщины вышли, дядя Лоуэлл достал из кармана жилета сигару и закурил.

– Не знаю, согласен ли я с вами, – сказал он, обращаясь к Тэду и выдыхая голубые кольца дыма. – Но уважаю вашу убежденность, молодой человек. Вы убеждены в своей правоте, а это уже половина победы. Больше, чем половина.

В эту ночь странные изменения произошли в атмосфере над Новой Англией. Граница области высокого давления, расположившейся над северной частью штата Мэн, вдруг начала размываться. На небольшом участке давление стало падать в сторону моря. Шторм, нависавший над районом Бостона, ощутил «толчок вниз», к северу и востоку, и устремился прочь в направлении Новой Шотландии.

Меня разбудили яркие лучи солнца, лившиеся через окна в спальню. Оторопев от удивления, я сел и выглянул наружу. Туч как не бывало! Океан сверкал под солнцем.

Я скомандовал в видеофон:

– Сводку погоды!

Видеофон включился, и диктор считал с ленты Бюро погоды: «...северо-восточные ветры от пятнадцати до двадцати миль в час. Сегодня днем – дождь, временами сильный. Вечером – продолжительный дождь. В воскресенье прекращение дождя ожидается во второй половине дня, ветер переменится на западный. В воскресенье вечером облачность рассеется, ветер западный...»

Но облака уже сегодня рассеялись, а ветер дул с запада. Я натянул на себя одежду, сунул ноги в шлепанцы и кинулся вниз. Тогда я нашел на кухне. Перед ним на столе были яичница с беконом, оладьи, молоко, сироп, тосты и джем. Он взглянул на меня, поднося тяжело нагруженную вилку ко рту.

– Доброе утро.

– И в самом деле «доброе», – ответил я. – Намного лучше, чем предсказывает Бюро погоды.

Тэд ухмыльнулся, но промолчал.

– Признавайся, ты приложил к этому руку? Неужели ты...

Он жестом остановил меня.

– Ты же хотел устроить сегодня прогулку на яхте? Вот там и поговорим.

Через открытую в столовую дверь слышался голос дяди Лоуэлла. Он любил читать утренние новости вслух кому угодно – лишь бы его слушали.

Какое-то время ушло на сборы, но наконец вся наша четвёрка собралась на маленькой яхте «Арлингтон», и вскоре мы уже пробирались сквозь лес мачт в тесной старой бухточке Марблхэд, направляясь в открытое море.

Тэд и Тули были впереди – управлялись с парусами, я сидел у руля, отдавал команды, Барни сидела рядом со мной.

– У тебя вид заправского моряка, – сказал я. На ней были белые брюки и полосатая – красная с синим – блузка.

– Благодарю за комплимент. Я забыла свой спортивный костюм дома, и твоя тетушка экипировала меня таким образом. Это однодневка, сделана из бумажной рогожки. Что-то вроде этого носят на Лунной Базе.

– И не стыдно такую красотищу выбрасывать?

– Но ее же нельзя стирать.

– Погляди-ка, вон сколько таких же, – сказали, – но ни на ком они так красиво не выглядят.

– Лыстец!

– Нет, правда.

Мы выбрались на просторы открытого океана под сверкающими голубыми небесами, только кое-где помеченными остатками серых взлохмаченных туч. Сильный западный ветер наполнил паруса яхты, и мы спустились в каюту немного отдохнуть. Было прохладно, мы надели теплые свитера и

приготовили кофе.

– Итак, погода по заказу, – обратился я к Тэду.

– Вроде того, – ответил он. – Шторм должен был прекратиться завтра к вечеру. Мы просто кое-что изменили, чтобы ускорить это событие.

– Но как?

– Не так уж сложно. Убедил кое-кого из своих приятелей в ВВС – они работают на спутниках – направить лазеры в нужное место, иными словами, немного «подогрел» небольшой район области высокого давления, который удерживал шторм над Бостоном. А из Климатологического один самолет так или иначе проводил испытания порошочка Барневельда. Я только подсказал, где и когда нужно сбросить его. Это создавало зону низкого давления, куда и соскользнул шторм. И ушел. Сейчас должен скитаться где-то в районе залива Фанди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.